[28] См.: Олев Юрий. Возле Кавголовского озера: Стихи военнопленного солдата // Северное слово. 1942. № 36. 15 августа.

[29] См.: *Белобровцева И. З.* К истории раскола «Ревельского цеха поэтов» и конца сборника «Новь» // Балтийский архив. XI. «Таллиннский текст» в русской культуре. Таллинн, 2006. С. 183.

[30] *Хлебникова-Смирнова К.* Воспоминания об Ирине Борман: (Псевдоним Ирбор) // Таллинн. 1996. № 5-6. С. 187.

[31] *Иваск Юрий.* Вступительная заметка к публ. Юрий Галь. Письма. // Опыты. Нью-Йорк. 1955. Кн. 4. С. 91.

[32] *Дикой Борис.* Россия и эмигрантская молодежь // Новая Россия (Париж). 1936. 19 апреля. № 4. С. 16.

[33] *Иваск Юрий.* Вступительная заметка к публ. Юрий Галь. Письма. // Опыты. Нью-Йорк. 1955. Кн. 4. С. 91.

[34] *Минц З. Г.* О Т. П. Милютиной, ее воспоминаниях и о поэте Юрии Гале // // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 917. Блоковский сборник. XI. Тарту, 1990. С. 112.

[35] *Минц З. Г.* О Т. П. Милютиной, ее воспоминаниях и о поэте Юрии Гале. С. 114.

[36] *Исаков С. Г.* Конец одной литературы. Русская литература Эстонии и события 1939-1945 гг. // *Исаков С. Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн: Александра, 2005. С. 399.

[37] *Анстей Ольга.* Памяти друга. Памяти ушедших // Новый журнал. Нью-Йорк. 1983. С. 210.

[38] См.: Valmar Adams kakskümmend kirja Irina Bormanilt. Fond 344. V. Adams. M. 17: 5. Kirjandusmuuseum. Lk. 16/20.

«ВСЕ СМЕШАЛОСЬ ЗДЕСЬ БЕЗ ЦВЕТА И ЛИЦА»: БОРИС ГЛУБОКОВСКИЙ (КОММЕНТАРИЙ К ВОСПОМИНАНИЯМ Д. С. ЛИХАЧЕВА О РЕЖИССЕРЕ СОЛОВЕЦКОГО ТЕАТРА КОНЦА 20-НАЧАЛА 30-х ГОДОВ)[1]

Э. Б. Мекш (Даугавпилс)

Многие страницы «Воспоминаний» Д. С. Лихачева посвящены описанию пребывания в СЛОНе (Северном Лагере Особого Назначения) русских интеллигентов. «Жизнь на Соловках в 1929-1931 гг., – пишет Лихачев, – возможно, покажется читателю "театром абсурда": богатство интеллектуального общения в условиях лагеря со всеми его атрибутами – чекистами, камерами, карцерами».[1]

«Театр абсурда» отражался и в существовании коллектива одаренных артистов и режиссеров Соловецкого театра – «чекистского чуда», как его пытались представить широкой общественности (в том числе и М. Горькому[2]) в 20-30-е годы.

«Соловецкий театр (Солтеатр), – читаем у Лихачева, – созданный для "туфты" – изображать культурно-воспитательную работу, но ставший немаловажной реальностью соловецкой интеллектуальной жизни. Наряду с "живгазетой", концертными номерами самого низкого пошиба, там шла и ин-

[1] Эта статья Э. Б. Мекша несколько лет ждала публикации. 11 июня 2005 года автора не стало. Редакция считает своим долгом опубликовать одну из последних работ замечательного ученого, коллеги, друга.

тересная творческая работа». Ниже Лихачев говорит: «В годы моего пребывания на Соловках душой Солтеатра, как и журнала "Соловки", был Борис Глубоковский – актер Камерного театра Таирова <…>».[3]

Кто же он такой – Борис Глубоковский?

Лихачев считает, что он был сыном «известного в свое время богослова и историка церкви Николая Никаноровича Глубоковского, переписка которого с В. В. Розановым не так давно опубликована». Исходя из этой версии, Лихачев, соответственно, называет Глубоковского Борисом Николаевичем и дает ему развернутую характеристику:

«Бориса Николаевича Глубоковского я хорошо знал, но не как близкого знакомого, а как чрезвычайно видную и много сделавшую для лагерной интеллигенции личность. Его, по существу, знали все. Жаль, что не сохранилось его фотографии. Это был высокого роста человек, стройный, красивый, живой, с хорошими манерами. Одет он был по соловецкой моде немногих людей, которым был доступен Помас (пошивочная мастерская, одевавшая жен немногих вольнонаемных и наиболее блатных из заключенных): черное полупальто с кушаком, черные галифе, высокие сапоги, кепка набекрень.

Он был разносторонне одарен. *Ему приписывалось участие в богемном окружении Есенина. Обвинялся за участие в каком-то заговоре "Белого центра"*. Обвиняться он, конечно, мог, но вряд ли бы он стал рисковать участвовать по свойствам своей несколько эгоистической натуры».[4]

Комментарий данного сообщения Лихачева надо начать, пожалуй, с уточнения: о ком, собственно, идет речь? В поисках истины нельзя не обратить внимание на фразу Лихачева о том, что он не был близок Глубоковскому, а знал его «как чрезвычайно видную и много сделавшую для лагерной интеллигенции личность». Отсюда идет предположение, что Борис Глубоковский – сын «богослова и историка церкви» Николая Никаноровича Глубоковского. На самом же деле отчество соловецкого режиссера было другое – Александрович, и он никак не мог быть сыном «известного богослова».

Доказательством этому служит следующее замечание Лихачева о том, что Борис Глубоковский «написал много статей и одну книгу – "49", изданную Соловецким обществом краеведения в 1926-м или 1927-м – об уголовниках, попавших в лагерь по статье 49 уголовного кодекса о "социально опасных"».[5] Речь идет о реальной книге «49. Материалы и впечатления», изданной «Бюро печати о. Соловки, Услон» в 1926 г. И написана эта книга была Борисом Александровичем Глубоковским, перу которого принадлежат еще две книги: «Проклятый вопрос в России» (1914/1915) и «Трогательная повесть в XVI главах" (1918).[6] Литературный псевдоним Глубоковского – Борис Вей. Алексей Ганин вспоминал о чтении Глубоковским в 1922 г. пьесы «Дон-Жуан»:

«Присутствовали супруги Персицы, артисты студии, кажется, Русской драмы, и Анатолий Васильевич Луначарский, который, как говорили, был заинтересован новой драмой студии. Читал Глубоковский. Все молчали. После прочтения пьесы товарищ Луначарский молча раскланялся и уехал, обронив несколько замечаний по поводу пьесы».[7]

В документах несостоявшегося (в августе 1924 г.) литературного общества «Современная Россия» Глубоковский упоминается как «член инициативной группы». В Списке членов общества «Современная Россия» он назван критиком.[8] Лихачев говорит, что до лагеря Глубоковский был в окружении Есенина, и что посадили его по обвинению «в заговоре "Белого центра"», правда, академик сомневается, что Глубоковский мог в каком-либо заговоре участвовать ввиду «своей несколько эгоистической натуры». Мог, и участвовал, но только не в «Белом центре». Но об этом – чуть позже. Продолжим рассмотрение деятельности Глубоковского на Соловках по мемуарным записям Лихачева.

«Чрезвычайной популярностью, – пишет Лихачев, – пользовалась на Соловках его постановка "Соловецкое обозрение". Постановка остро иронизировала над соловецкими порядками, бытом и даже начальством. Однажды, когда одна из "разгрузочных комиссий" в подпитии смотрела в театре

”Соловецкое обозрение”, в переполненном заключенными зале, Б. Глубоковский (тоже, очевидно, хлебнувший), который вел представление, выкрикнул со сцены: ”Пойте так, чтобы этим сволочам (и он указал рукой на комиссию) тошно было”. А обозрение состояло не только из комических номеров, но и тоскливо-лирических, заставлявших многих плакать. Стихи писал сам Глубоковский (что мог, я записал), а мотивы он подбирал главным образом из оперетт. Но все ж таки один мотив сочинил, говорят, сам: к его песне “Огоньки”, которую в начале 30-х гг. пела вся Россия. Заканчивалась эта песнь следующими словами:

От морозных метелей и вьюг
Мы, как чайки, умчимся на юг,
И мелькнут вдалеке огоньки –
Соловки, Соловки, Соловки!

Припев был такой:

Обещали подарков нам куль
Бокий, Фельдман, Васильев и Вуль.
Но в Москву увозил Катанян
Лишь унылый напев соловчан:

Всех, кто наградил нас Соловками.
Просим, приезжайте сюда сами.
Посидите здесь годочков три иль пять –
Будете с восторгом вспоминать.

Среди куплетов был и такой, обрисовывавший представления о будущем заключенных:

И когда-нибудь вьюжной зимой
Мы сберемся веселой толпой,
И начнут вспоминать старики
Соловки, Соловки, Соловки!

Наивные мечты заключенных двадцатых годов…»[9]

На страницах 341 и 377 Лихачев цитирует четверостишия из «Соловецкого обозрения». Первая цитата:

То не радио-параши
И не граммофон, –
То поет, поевши каши,
Наш веселый СЛОН.

Вторая цитата:

Соблюдая кодекс трудовой,
Охраняет нас милый конвой,
И от нежной, душистой трески
Соловчане не знают тоски.

И в 1-м, и во 2-м четверостишиях иронически воспроизводился быт заключенных, которых постоянно кормили кашами с протухшей треской.

12 января 1929 г. в Солтеатре состоялся вечер памяти Н. А. Некрасова. Борис Глубоковский был одним из докладчиков на этом вечере.[10]

На Соловках Глубоковский был до 1930 г., а когда Управление СЛОН переехало в Кемь, «вместе с Управлением перебрался туда же и Глубоковский».[11] Дальнейшая судьба соловецкого режиссера и актера воспроизводится Лихачевым так:

«Б. Н. Глубоковский по освобождении из Белбалтлага получил удостоверение (как и многие из нас) с красной диагональной полосой. По этому удостоверению его прописали в Москве и приняли назад в Камерный театр».[12]

По воспоминаниям Лихачева мы можем хорошо восстановить соловецкий период биографии Глубоковского. О начальном же, как и о последнем, периодах жизни актера Лихачев говорит предположительно и по слухам, что, естественно, придает биографии Глубоковского несколько легендарный характер. Более-менее развернуто о Глубоковском можно узнать из книги Б. Ширяева «Неугасимая лампада. Воспоминания о Соловках», изданной в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова, в 1954 году, и переизданной в Москве в издательстве «Столица», в 1991 году.

Глубоковский, действительно, был связан дружескими и литературными связями с Есениным и его имажинистским окружением. Биобиблиографический указатель, посвященный С. А. Есенину,[13] упоминает две работы Глубоковского: «Маски имажинизма»[14], опубликованную в журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (1924. № 4. С. 10-11), и «Сергей Есенин», опубликованную без подписи в газете «Новые Соловки» (1926. 7 февраля).[15] Судя по времени последней публикации, Глубоковский был уже на Соловках (арестовали его в конце1924 г.).

Из всей имажинистской среды Глубоковский был ближе всего к Анатолию Мариенгофу. Об этом говорит и сам Мариенгоф в мемуарах «Мой век, мои друзья и подруги». Так, вспоминая эпизод, когда на диспуте «Мейерхольд – опиум для народа» имажинистам понадобилось разоблачить именитого режиссера, сорвав с него «маску флюса», Мариенгоф пишет:

«– А ну-ка, Боря, – сказал я своему приятелю Глубоковскому, – сорви ненароком черную тряпицу с его физиономии.

– Есть!

И через несколько минут он уже победоносно ею размахивал».[16]

Очевидно, через Мариенгофа с Глубоковским познакомился и Есенин. Знакомство состоялось, возможно, в 1919 г.[17] Весною (в апреле) 1920 г. имажинисты устроили в Харькове церемонию провозглашения Велемира Хлебникова Председателем Земного Шара.[18] В церемонии, кроме Есенина, Мариенгофа и Хлебникова, участвовал и Борис Глубоковский, у которого позаимствовали на время кольцо – для шутовского ритуала. Далее произошла трагикомедия. Мариенгоф описывает ее в своем «Романе без вранья» так:

«В заключение, как символ Земного Шара, надеваем ему <Хлебниковву. – *Э. М.*> на палец кольцо, взятое на минуточку у четвертого участника вечера – Бориса Глубоковского.

Опускается занавес.

Глубоковский подходит к Хлебникову:

– Велемир, снимай кольцо.

Хлебников смотрит на него испуганно и прячет руку за спину.

Глубоковский сердится:

– Брось дурака ломать, отдавай кольцо!»[19]

Далее происходит безобразная сцена изымания кольца, которую описала в своих воспоминаниях Рита Райт, правда, без упоминания имени Глубоковского.[20] Об этом рассказал и сам А. Мариенгоф в отклике на смерть Хлебникова, но тоже не упоминая имени Глубоковского:

«В знак обручения с земным шаром мы надели ему на палец кольцо, взятое на минутку у одного знакомого. После вечера Велемир ни за что не хотел отдать кольцо обратно по принадлежности, считая это кощунством».[21]

Лихачев в «Воспоминаниях» говорит, что в начале 20-х годов Глубоковский входил в богемное окружение Есенина. Это соответствует истине. Алексей Ганин, друг Есенина, характеризовал артиста так: «остроумнейший Глубоковский, типичный богемец».[22] «Спутница имажинизма», А. Г. Назарова, ближайшая подруга Г. А. Бениславской, в своих воспоминаниях обозвала богемное окружение Есенина «пиявками», к таковым она причислила: Ганина, Клюева, Аксельрода, Борисова и Глубоковского.[23] Другой современник Есенина, Н. Н. Захаров-Мэнский, отобразил одну из типических разгульных сцен с участием Есенина и Глубоковского.

«Я был свидетелем многих скандалов Сергея, – уверяет Захаров-Мэнский. – Один его дебош – драку с Б. Глубоковским – я и теперь с ужасом вспоминаю. Ночь, в кафе пьяная публика, и Сергей, с разодранной рубашкой, кричит что-то несуразное, пьяное, больное; Глубоковский, замахнувшийся стулом, тоже пьяный, под кокаином, а перед Сергеем, бросившийся на колени, протягивающий какую-то икону и вопиющий: “Сереженька, во имя Бога!..” – Клюев».[24]

Богемное пристрастие Глубоковского развилось в первые послереволюционные годы, в так называемый «кафейный пе-

риод» русской литературы. Глубоковский был частым посетителем поэтических кафе, особенно «Кафе поэтов» на Тверской (бывшее «Домино»), в котором он подрабатывал конферансом. В воспоминаниях А. М. Сахарова (полиграфического работника, друга Есенина) говорится, что в «Домино» «лучшими из конферансье были Борис Глубоковский и Южный. Глубоковский знал каждого из посетителей, с каждым был чуть ли не друг, почему иные грубые остроты переходили границы шуток, а являвшиеся оскорблением сходили ему с рук. "Дураков" он раздавал направо и налево, а некоторые из безъязыных поэтов имели свою нумерацию. Таких было семь. Есенин хохотал до упаду, когда в Харькове в 1920 г. Глубоковский нашел восьмого». А. М. Сахаров далее замечает, что «фамилии этих поэтов приводить не стоит, это не столь лестно для них», но в качестве образца каламбурного мастерства Глубоковского приводит следующий эпизод:

«Вечер. В одном из уголков зала сидит мой приятель журналист Бразуль-Брушковский, работник из "Роста".

– А вот Роста небольшого роста, – издевается конферансье, – известный Бразуль-Брешковский, – коверкает он фамилию. – Вот такие Бразули всю Россию разули и сидят в Росте в сапогах и коросте».[25]

Глубоковский сразу вписался в богемную атмосферу Москвы. Иван Грузинов об этом пишет так: «Много свежего внес приехавший откуда-то не то с Украины, не то из Поволжья актер и писатель Борис Глубоковский, весело острив-ший и мечтавший выпустить автобиографический роман под названием "Сволочь"».[26] О богемном характере Глубоковского и его пристрастии к кокаину говорит в своих воспоминаниях и художник В. П. Комарденков:

«Борис Глубоковский был актер Камерного театра и как журналист позднее работал в театральных журналах "Новая рампа" и "Зрелища". Писал рецензии и фельетоны, был остроумным, но грешил наркотиками. Была у него чудесная жена, но он вел бродячий образ жизни».[27]

Глубоковский всюду был своим человеком. Так, вспоминая встречу Нового, 1920-го, года в кафе «Двенадцать муз», А. М. Сахаров пишет:

«Отдельная комната. В ней находятся избранные, большинство – актеры и поэты, выступающие в этот вечер. Среди них – Мариенгоф, Каминская, Глубоковский, Клара Милич и др.».[28]

Теперь относительно другого замечания Лихачева об участии Глубоковского в «Белом центре». Лихачев сомневался, что Глубоковский мог участвовать в политическом движении. Мог, и даже был «министром иностранных дел» в предполагаемом правительстве, только не «Белого центра», а «Ордена русских фашистов», как обозначили чекисты группу арестованных русских интеллигентов. Как пишет Б. Ширяев, «число ее членов не превышало 20-30 человек. Какой-нибудь оформленной программы не было. Конспирация была детски-наивной».[29] Относительно программы Ширяев не прав, она была, ее тезисы «Мир и свободный труд народам» чекисты изъяли у Ганина при аресте.

Члены «Ордена» четко исходили из следующей оценки послеоктябрьской реальности, зафиксированной в тезисах:

«Вполне отвечая за свои слова перед судом всех мыслящих людей и перед судом истории, мы категорически утверждаем, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую, если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности, – средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов – таятся смерть и разрушения, разрушения и смерть».[30]

В противовес диктатуре РКП члены «Ордена» выдвигали «великий земский собор»[31] как единственный орган демократического правления.[32]

В конце 1924 г. по делу «Ордена» ОГПУ арестовало 14 человек. В следственном обвинении были названы следующие фамилии: Алексей Ганин – поэт, Александр Кудрявцев – наборщик, А. Н. Александрович-Потеряхин – литератор, Б. А. Глубоковский, Григорий Никитин – поэт, Владимир Галанов – поэт, Петр Чекрыгин – поэт, Николай Чекрыгин – поэт[33], Виктор Дворяшин – поэт и художник, Е. М. Заугольников, Михаил Кротков – юрист, Сергей Головин – профессор, Тимофей Сахно – врач, И. И. Колобов.[34] Состав «Ордена» разный – от наборщика (А. В. Кудрявцев) и мещанина (И. И. Колобов) до артиста (Б. А. Глубоковский), профессора (С. С. Головин) и просто знакомого Ганина (Е. М. Заугольников). По возрасту – от 22-23 лет (братья Чекрыгины, Евгений Заугольников) до 58-ми (профессор Головин). Глубоковскому на момент ареста было 30 лет.

Главой «Ордена» ОГПУ объявило А. А. Ганина;[35] именно у него при аресте нашли тезисы «Мир и свободный труд народам». По завершении «дела» в марте 1925 г. он был расстрелян, вместе с Ганиным расстреляли В. И. Дворяшина, братьев Чекрыгиных, В. М. Галанова и М. А. Кроткова, остальных рассовали по северным лагерям с десятилетними сроками.

В протоколе допроса Ганина часто встречается имя Глубоковского. Знакомство их, очевидно, произошло в 1923 г., когда Ганин приехал в Москву в надежде на литературные заработки, но оказался в итоге, как он сам говорит, «в крайне отчаянном положении: без работы, без комнаты, без денег. Жил у знакомых, в том числе и у Есенина, который, по сути дела, и сам был бездомным, в студенческих общежитиях, в ночных кафе, в общем, "ночевал" – где застигнет ночь», в том числе, и в комнате Бориса Глубоковского и Марцелла Рабиновича, которые «и сами вскоре очутились без комнаты», а значит, тоже стали бездомниками.[36] В «Списке-анкете на членов исполнительного органа» общества «Современная Россия», посланного а августе 1924 г. в НКВД, в графе «место жительства» Глубоковского обозначено: «Тверской бульвар, Камерный театр».[37] Ганин вспоминал о том времени так: «до первого января 1924 года я ночевал то в "Стойле Пегаса", то в общежитии писателей, то у Аксельрода на

Рождественском бульваре, дом № 17, где, если не ошибаюсь, часто ночевали Рабинович и Глубоковский».[38]

Судя по всему, вхождение Глубоковского в состав «Ордена» было спонтанным, без особых идейных соображений. Об этом свидетельствует распределение Ганиным своих знакомых по группам. Всего их было, как считает Ганин, четыре.

В первую входили «революционно настроенные».

Во вторую – литераторы (среди них – есенинское окружение: Орешин, Клычков, Карпов, Ивнев, Пильняк и др.).

В третью входили люди, которых Ганин знал исключительно по кафе «Стойло Пегаса» и «Альказар». Среди них – Глубоковский. И далее Ганин дает им всем (и Глубоковскому тоже) характеристику, аналогичную замечанию Лихачева о Глубоковском:

«Все это любители понюхать <кокаина – *Э. М.*>. По разговорам это все боевые люди во время понюшки, но боевые по-абсурдному или по-смешному. В силу своей расхлябанности не способные не только кого-нибудь объединить для заговора и в какой-нибудь мере вести за собой хоть одну минуту <…> Если судить по разговорам, то всю эту компанию можно с таким же успехом обвинить, например, в бандитизме или принять за членов какого-нибудь филантропического братства».[39]

Говоря так о Глубоковском и других интеллигентах, Ганин оберегал их от более сурового наказания и, по сути дела, спас им жизнь.

В четвертую группу Ганин включил людей, с которыми познакомился в Москве незадолго до своего ареста, среди них он назвал Вс. Мейерхольда и Айседору Дункан. Чекисты отобрали 14 человек из первых трех групп. Всеволода Мейрхольда они пока не трогали.

Такова была жизнь Глубоковского до Соловков. Что стало с ним после отсидки, сказать трудно. Не очень хорошо известно, где он жил, где работал (если, конечно, работал), когда ушел (и как) в мир иной. Перечислю версии. Д. Лихачев сообщает:

«Как я узнал из объявления в газете, умер он в середине 30-х гг. Говорили – от заражения крови. Он стал морфинистом и кололся прямо через брюки…»[40] Заметим, что точную дату смерти Глубоковского Лихачев не называет, ограничиваясь общей констатацией: «умер в середине 30-х гг.».

Ст. Куняев и С. Куняев в «Алфавитном указателе имен» книги «Растерзанные тени» приводят следующие даты жизни Глубоковского: 1895-1932 гг. И далее уточняют: «Был осужден по делу «Ордена русских фашистов». Ряд лет провел в Соловецком лагере. *Покончил с собой*».[41]

Борис Ширяев пишет, что после восьмилетней отсидки (срок был сокращен) Глубоковский «*вернулся в Москву для того, чтобы там умереть, отравившись морфием. Случайно или намеренно – я не знаю*».[42]

В послесловии к книге Ширяева приводится другая версия, по которой Глубоковский «*отбывал ссылку в Сибири и покончил с собой в 1937 г.*».[43]

Итак, Сибирь или Москва были местом пребывания Глубоковского после Соловков? Когда он умер: в 1932-м, в 1935-м или в 1937-м году? Естественной была его смерть или же он покончил с собой? Вот круг вопросов, на которые пока нет полного ответа, особенно – на последний.

На первые два я получил ответ из Москвы от В. А. Дроздкова. В письме ко мне от 10 октября 2001 г. он сообщил, что Борис Александрович Глубоковский похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве, и что на его могильной плите стоит дата смерти – 1935 год. На последний же вопрос ответить обстоятельно пока не представляется возможным. Ясно одно: Б. А. Глубоковский был одним из ярких и талантливых русских творческих интеллигентов, по которому безжалостно прошелся каток большевистской революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Лихачев Д. С.* Воспоминания. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1999. С. 287.

2 М. Горький побывал на Соловках весной 1929 года.

3 *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 279.

4 *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 279 (курсив мой. – *Э. М.*).

5 Лихачев Д. С. Воспоминания . С. 281.

6 *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. М., 1995. С. 35.

7 *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. М., 1995. С. 452.

8 См.: *Есенин С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 7. Кн. 2. С. 248, 251.

9 *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 281-283.

10 *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 284.

11 *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 281.

12 *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 284.

13 Русские советские писатели. Поэты. М., 1985. Т. 8.

14 Матвей Ройзман в книге «Все, что помню о Есенине» говорит, что статья Глубоковского, опубликованная в 4-м номере «Гостиницы…», «старая», очевидно, она была извлечена «из портфеля» специально для данного издания (*Ройзман М.* Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 227).

15 См. также: *Карпов Е. Л.* С. А. Есенин. Библиографический справочник. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1972. С. 39, 73; Русский имажинизм: Библиография / Вступ. ст. и сост. В. А. Дроздков, А. Н. Захаров, Т. К. Савченко // Библиография. 2000. № 2. С. 107.

16 *Мариенгоф А.* «Бессмертная трилогия». М., 1998. С. 221-222.

17 См. воспоминания А. М. Сахарова: *Сахаров А. М.* Обрывки памяти / Вступ. заметка, публ. и подг. текста А. А. Козловского // Знамя. 1996. № 8. С. 169.

18 См.: *Есенин С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 2001. Т. 7. Кн. 3. С. 317.

19 *Мариенгоф А.* «Бессмертная трилогия». М., 1998. С. 72.

20 См.: *Райт Р.* Все лучшие воспоминания… // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 184. Тарту, 1966.

[21] *Мариенгоф А.* Велемир Хлебников / Публ. Г. Маквея // Irish Slavonic Studies. 1990. № 11. С. 93.

[22] *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. С. 52.

[23] См.: *Назарова А. Г.* Воспоминания // С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С.130.

[24] *Захаров-Мэнский Н. Н.* Только несколько слов… // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Сост. и общ. ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. С. 182.

[25] *Сахаров А. М.* Обрывки памяти / Вступ. заметка, публ. и подг. текста А. А. Козловского // Знамя. 1996. № 8. С. 170.

[26] *Грузинов И.* Маяковский и литературная Москва // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 611.

[27] *Комарденков В. П.* С. А. Есенин: Материалы к биографии / Комментарии. М., 1992. С. 387.

[28] *Сахаров А. М.* Обрывки памяти / Вступ. заметка, публ. и подг. текста А. А. Козловского // Знамя. 1996. № 8. С. 176.

[29] *Ширяев Б.* Неугасимая лампада. М., 1991. С. 77.

[30] *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. С. 23.

[31] *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. С. 30.

[32] Ср. утверждение А. И. Солженицына: «Земская система есть форма *народного самоуправления*, во всех ступенях своих живо связанная с народными интересами и потребностями» (*Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 193; выделено Солженицыным. – *Э. М.*).

[33] По воспоминаниям М. Ройзмана можно судить, что в «Орден» пытались вовлечь и Есенина. «Выйдя из санатория, <в начале февраля 1924 г. – *Э. М.*> – пишет он, – Есенин приобщился в «Стойле» к компании А. Ганина, журналиста Б. Глубоковского, художника В. Чекрыгина, его брата – поэта Владимира Галанова… <…> Но спустя неделю что-то оттолкнуло Сергея от этой компании, он стал садиться за отдельный столик. <…> Когда я спросил Есенина, что за человек брат Чекрыгина, он ответил:

– А черт его знает! Будь от ихней шайки-лейки подальше!»

И заканчивает Ройзман историю с вовлечением Есенина в

«Орден» следующей фразой: «Каково же было мое удивление, когда летом 1924 года я узнал, что не только брат Чекрыгина, но и вся компания, одно время сидевшая с Сергеем за столиком, арестована в связи с раскрытием заговора «Белого центра» и выслана в Соловки» (*Ройзман М.* Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 202-203). «Белый центр» в «Воспоминаниях» Лихачева, возможно, появился именно из книги Ройзмана «Все, что помню о Есенине». С Чекрыгиным, правда, у Ройзмана путаница, ибо Василий Николаевич погиб в 1922 г. (см.: *Аверина Г. И.* Есенин и художники. Рязань, 2000. С. 109-110) и сидеть «за столиком» в «Стойле» в 1924 г. он не мог.

[34] См.: *Хлысталов Э.* 13 уголовных дел Сергея Есенина. По материалам секретных архивов и спецхранов. М., 1994. С. 110.

[35] О Ганине более подробно см.: *Куняев Ст.* Жизнь и смерть поэта: (О судьбе Алексея Ганина) // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 140-154; *Карохин Л.*. Алексей Ганин – друг Сергея Есенина. СПб., 1999.

[36] *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. С. 33-34.

[37] См.: *Галушкин* А. Ю. Сергей Есенин и «Современная Россия»: Новые материалы // Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сборник. Вып. III. М., 1997. С. 490; Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 7. Кн. 2. С. 448.

[38] *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. С. 34.

[39] *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. С. 46.

[40] *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 284.

[41] *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени: Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. С. 452 (курсив мой. – *Э. М.*).

[42] *Ширяев Б.* Неугасимая лампада. М., 1991. С. 77 (курсив мой. – *Э. М.*).

[43] С. А. Есенин: Материалы к биографии / Сост. Н. Гусева и др. М., 1992. С. 388 (курсив мой. – *Э. М.*).